

Александра Смоленцева

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ

Автор вступительной статьи
и составитель каталога
М. Е. Даен

*Спешу нести цветы и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей.
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!*

*Он молит муз: душе, усталой от сует,
Вернуть любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть — вянущим бесперестанно чувствам.*

Эти стихи, написанные в 1817 г. поэтом-вологжанином К. Н. Батюшковым, были посвящены аллегорическому алтарю муз и граций. Сейчас, несмотря на несколько архаический слог, они не утратили своего очарования, а поэтический образ красоты Севера и музыкальный ритм стиха вызывают ассоциации с живописью, столь же хрупкой и поэтической, как лирика.

Эти строки возникают в памяти, когда видишь на натюрмортах А. И. Смоленцевой свежие подсолнухи, тянущиеся к солнцу, покачивающиеся на ветру своими тяжелыми янтарными соцветиями, или нежный иван-чай, флоксы, полевые ромашки, упругие огненно-рыжие лилии. Когда в 1969 г. в Доме художника состоялся просмотр живописи А. И. Смоленцевой, товарищи невольно «открыли» для себя прекрасного живописца, для которого «творчество, — по выражению искусствоведа А. Н. Мунина, — это вторая молодость». Обычный просмотр работ превратился в событие, и многие в тот день ловили себя на мысли: — «Ведь это настоящая живопись!».

Так в чем же она, настоящая живопись?

Натюрморты Александры Ивановны выглядят бесхитро-

стно и красочно. Кринки, цветы, яблоки, рябина, яркие расписные игрушки, крестьянские туески, домотканые половики, цветастые пестрые ситцы, румяные баранки и свежеспеченные караваи хлеба, вологодские кружева — за этими традиционными предметами северного быта кроются сложнейшие композиционные ритмы, живописное дыхание цвета и пластики: то энергичной и декоративной, полной необычайного темперамента, то вдруг эпически спокойной, раздумчивой, где «образ, — по выражению автора, — строится на чуть-чуть уловимых колыханиях полуцвета, полутона и как бы живет сам в себе».

Живописи Александра Ивановна посвятила всю свою жизнь. Этот живописный дар проснулся у нее столь рано, что, пожалуй, трудно сказать, где грань, отделяющая сознательное творчество художника от подсознательно-го ощущения себя в мире прекрасного. Очевидно, оно началось с детских впечатлений о Волге и с посещений Третьяковской галереи в голодные годы гражданской войны. Трудности сопровождали художника постоянно, но о них она вспоминает крайне редко и лишь для того, чтобы более зримо представить определенные вехи жизни, отданные своему любимому искусству.

Революция и годы гражданской войны совпали с ее юностью. Они научили ценить то чистое и благородное, что заложено в человеческом существе от природы, а в годы революционных потрясений выкристаллизовалось в нем наиболее ярко.

С величайшей благодарностью она вспоминает о своем учителе — профессоре Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС) Давиде Петровиче Штеренберге, который не только дал ей много профессиональных знаний, но постоянно помогал чем мог: добрым словом, красками, холстами. Молодую Шуру Смоленцеву он считал одной из талантливейших учениц и удостоил особой награды — стипендии молодых дарований им. А. В. Луначарского. Как и большинство ее товари-

щей по Высшим художественно-техническим мастерским (а она училась вместе с Ю. Пименовым, А. Дейнекой, Т. Мавриной и другими известными мастерами), А. И. Смоленцева не делит искусство на «высокое» и «низкое», «главное» и «второстепенное». Ей приходилось оформлять клубы и стенгазеты, делать обложки к книгам и вывески, плакаты. До войны она работала в Северо-Западном краевом издательстве, а в грозные военные годы активно участвовала вместе с редакцией газеты «Красный Север» в выпуске «Окон ТАСС».

Послевоенные годы тоже были трудными. Одна из первых членов Вологодского отделения Союза художников, Александра Ивановна долго не имела мастерской, жилья, работала в самых неприспособленных условиях. Но при этом не жаловалась на судьбу, оставаясь чуткой к людям, верной своему призванию.

Эта доброта постоянно проявлялась в творчестве. В годы своей молодости и зрелости А. И. Смоленцева писала портреты. К сожалению, их сохранилось немного, но те, что остались в мастерской, отличаются деликатной мягкостью характеристик, доброжелательностью к человеку, кем бы он ни был — рабочим, ребенком, стариком.

Говорят, что живопись, как и вообще любое искусство, чем-то похожа на автора. Также похоже на него жилище, соразмерное вкусам и взглядам хозяина. Когда приходишь к Смоленцевой в мастерскую или домой, бросается в глаза отсутствие полированной мебели и других стандартных признаков современного жилища. Всюду: на стенах, самодельных расписных шкафах — деревенские кринки, туески, жостовские подносы, цветы и яблоки, которые художник ставит для натюрмортов. О каждом из них Александра Ивановна говорит словно о живом существе. И это живое человеческое тепло присутствует в ее работах.

Натюрморт стал для нее главным жанром творчества, реагирующим на те «изменчивой души приметы», кото-

рые трудно поддаются прозаическому изложению, но которые особенно хорошо отвечают строю ее мышления. Эмоциональный ключ каждого натюрморта всегда разный. Потому, казалось бы, привычные и знакомые предметы обыграны в каждой работе по-разному: то в серебристой сдержанности мягких полутонов, то в горячей красновато-фиолетовой тональности, то в розовато-жемчужной, похожей на прохладный весенний воздух среде, то в мощных аккордах контрастных сочетаний: интенсивно-синего, лимонно-желтого, красного и зеленого. Тонко чувствуя гармонию цветовых сочетаний, художник не позволяет в работах никакой ложной красоты, фальши. Ни одного вялого мазка, ни одной безразличной детали.

Над своими натюрмортами А. И. Смоленцева работает долго, много раз дописывает сделанное, стремясь к максимальной композиционной и пластической целостности полотна. Такая взыскательность к самому себе — плод большой внутренней культуры, заложенной в основе художественного мировоззрения, и принцип ее позиции в современном искусстве. Далеко не всегда художник следует натурному впечатлению, хотя верность первого, наиболее яркого ощущения натуры она стремится сохранить почти в каждом полотне. Отсюда свежесть и непринужденность ее композиций, очень продуманных, однако не перегруженных чересчур рациональным расчетом.

Осмысляя живописные полотна А. И. Смоленцевой, искусствовед А. М. Пистунова очень верно заметила, что натюрморт — это жанр социальный, остро реагирующий на человеческое счастье и беду. Рассказывая о вещах, художник рассказывает о себе. Когда в 1973 году Смоленцева пережила драматический период, связанный с потерей близких ей людей, она написала удивительно светлый и мажорный натюрморт «Полевые цветы», который воспринимается гимном мудрости природы, помогающей человеку обрести самого себя, преодолеть стра-

дания и невзгоды, спасающей его от мрака уныния и бессилия. «Чем труднее живется, — замечает художник, — тем сильнее желание передать радость жизни, потому что пока мы живы, мы можем творить».

Поэтому Смоленцевой близок пафос природной стихии, вихрящиеся формы, теплый свет и сияющий колорит, круговые замкнутые композиции, полные неостановленного движения, праздничность. Это всепобеждающее утверждение жизни, ее праздник мы ощущаем в золотых хлебах на кумачовой скатерти с яркими розанами, в ярко-огненных лилиях, упрямо пробивающихся к жизни сквозь уже поникшие, тронутые увяданием головки подсолнухов, в ярких гроздьях рябины, врывающихся в прохладно-серебристую зелень узорчатых листьев. Но ей сродни и другие грустные, философские интонации («Сухие листья и каргопольская игрушка»).

Буквально все созданное художником пленяет и волнует человечностью, искренним желанием принести людям красоту и любовь к жизни. Чешский искусствовед Мирослав Виздал, отзываясь о натюрмортах Смоленцевой, написал: «Это для меня праздник!». Журналист В. И. Аринин отмечает: «Работы А. И. Смоленцевой как бы освещают изнутри помещение, где они находятся, наполняют пространство цветом и радостью...», а известный советский писатель Виктор Астафьев оставил в книге отзывов о живописи Смоленцевой такую запись: «Так молодо и жизнерадостно ее искусство, так ярко видеть мир дано только чистой и молодой душе...».

Вологжане и все, кто соприкасается с искусством А. И. Смоленцевой, помнят и любят его как свое близкое, родное, очень хорошо выражающее поэтическую душу северного края.